

Л. И. Шерстова

**АБОРИГЕННАЯ ПОЛИТИКА
МОСКОВСКОГО ЦАРСТВА В СИБИРИ В XVII в.:
ЕВРАЗИЙСКИЙ АСПЕКТ¹**

Проблема присоединения Сибири тесно связана с вопросом о характере включения аборигенного населения в состав Московского царства. Понимание противоречивости этого процесса, соотношения на разных этапах и применительно к разным этносам мирных и военных способов подчинения не помогает ответить на вопрос: почему это произошло столь быстро? Не существовало ли еще каких-либо дополнительных условий, способствовавших такому стремительному продвижению русских по Сибири?

Уже исследователями XIX в. отмечалось «полнейшее общение между завоевателями и покоренными», отсутствие вражды и полное житейское сближение русских и туземцев, обыденность «русско-туземных браков» [Шерстова 2005: 64]. Такая взаимотерпимость разнородного сибирского общества являлась как отражением особенностей государственной аборигенной политики, так и следствием широких русско-аборигенных контактов и во многом определялась спецификой этногенеза русского этноса и большинства народов Сибири. Русские XVII в. по своему этническому состоянию мало отличались от большинства сибирских народов, находясь в стадии «продолженного этногенеза».

Начало консолидационных процессов русского этноса, то есть начало его этногенеза, относится примерно к XI в., когда мигрировавшая в междуречье Оки и Волги часть восточнославянского (древнерусского) этноса ассимилировала местные финноязыч-

¹ Работа выполнена при поддержке гранта Правительства РФ П 220. № 14. B25.31.0009.

ные группы (мурома, мешера, меря). Результатом оседания переселенцев на новых территориях, где их соседями сделались прежние «хозяева», стала своеобразная «этническая сетка»: расселение первых налагалось на расселение вторых, повседневные бытовые и хозяйственные контакты закономерно приводили к этническому взаимодействию [Русские 1997: 8]. В конечном итоге формирующийся великорусский этнос уже к XV в., в числе прочих, растворил в себе финно-угорский субстрат [Ключевский 1998: 55].

В то же время древние и постоянные контакты восточных славян с Диким Полем, а с XIII в. — с Золотой Ордой, то есть с тюрко-монгольским миром, этнополитическим фрагментом Центральной Азии, также существенно повлияли на этнокультурный комплекс будущих великороссов, на их вкусы и пристрастия [Гумилев 1992: 46–50]. Колонизация Прикамья, Приуралья, а затем и Западной Сибири столкнула русских с местными аборигенами — финно-уграми, тюрками, самодийцами. И поскольку финно-угорский и тюркский субстраты уже органично вошли в состав великороссов, участвуя когда-то в их этноформировании, развитии их культуры, постольку русским и на индивидуальном, и на общезычном уровне было привычно общение с неславянскими народами.

Оказавшись в Сибири, русские принесли туда евразийское этногенетическое и субстратное наследие, которое ментально не противопоставляло их этносам Северной Евразии, не предполагало «национального высокомерия» по отношению к ним. К тому же постоянное расширение территории обитания, за которым не поспевал естественный рост численности русской этнопопуляции и включение в нее все новых неславянских этнических компонентов, препятствовали прочной внутренней консолидации русского этноса, постепенно размывая его, создавая все новые, достаточно нестабильные этнолокальные группы, не позволяя, таким образом, «замкнуться на себе и в себе». В ходе освоения сибирских пространств в русской среде непрерывно в разных сочетаниях протекали разнообразные этнические процессы, то есть продолжалось сложение великорусского этноса, вернее, одного из его субэтносов — русских сибиряков (старожилов).

Следствием процессов миграции, аккультурации и ассимиляции стали нечеткие этнографические признаки, обилие региональных специфических культурных черт и довольно аморфное этническое самосознание. Поэтому в сознании людей XVI–XVII вв. (и даже позднее) понятие «русский» было равнозначно категории «православный» [Русские 1997: 737], то есть собственно этническая идентификация была настолько невыраженной, что подменялась и подкреплялась конфессиональной. Это обстоятельство является наглядным отражением незавершенности этнической консолидации великороссов, свидетельством отсутствия в этнониме жестко определенного внутреннего национального содержания накануне их прибытия в Сибирь. Последнее обусловило отсутствие пренебрежения, высокомерия, ненависти к «чужим», нерусским народам. Ксенофобия (во всяком случае по отношению к сибирским аборигенам) не являлась и не могла являться ментальной чертой русских периода освоения Сибири.

В свою очередь, подавляющее большинство народов Сибири также было «открытым», то есть не обладало отчетливым этническим самосознанием, внутренне было слабо консолидировано и на ментальном и бытовом уровнях также не стремилось к этническому противопоставлению себя всем остальным, к неприятию и априорной враждебности ко всем «не нашим» [Шерстова 2005: 58]. Это обстоятельство снимало напряженность первых контактов и создавало условия для дальнейшего взаимодействия.

Следует также отметить, что у большей части сибирских народов широко распространены предания, в которых в основе сюжета лежат представления о цикличности мироздания и течении времени, о том, что каждый временной цикл соотносится с каким-то народом и определенным типом ландшафта. Изменение этнического состава населения (во многих легендах — появление русских в Сибири) сопровождалось якобы появлением новых природных явлений, в частности сменой ландшафта. Ярким примером таких умонастроений являются так называемые «чудские легенды», широко распространенные как у сибирских аборигенов, так и у русских. В них нашли выражение архаичные пред-

ставления о слитности социума и космоса, о неизбежности социальных (этнических) и природных изменений и жесткой взаимообусловленности этого процесса.

Такая ментальная установка помогала сибирским аборигенам легче адаптироваться в новых социальных и политических условиях, приспособиться к иному этническому окружению. Она отражала на бессознательном уровне богатый опыт межэтнических контактов, приобретенный ими задолго до встречи с русскими. Приход русских в Сибирь не противоречил цикличному восприятию Вселенной, свойственному аборигенам, а значит, изначально не настраивал их враждебно относительно них. Русский этнос, таким образом, не воспринимался ни как что-то экстраординарное, ни как нечто сверхопасное. Он был органичной частью меняющегося мира, и поэтому его восприятие было безболезненным.

Имея богатый опыт межэтнических контактов и разнообразных культурных связей, аборигены восприняли русскую колонизацию как естественное явление на сибирской земле еще одного этноса, в котором не усматривали ничего необычного.

«Народная колонизация» Сибири подкреплялась планами первых московских царей, которые, внешне не афишируя, на деле ощущали себя правопреемниками монгольских ханов, в частности Золотой Орды.

Относительно ордынского влияния на политическое и социально-экономическое развитие Московского княжества, а затем и царства в отечественной историографии бытуют диаметрально противоположные мнения: от признания того, что «Москва обязана своим величием ханам» (Н. М. Карамзин, евразийцы), до отрицания важности монгольского влияния на внутреннее развитие Руси (С. М. Соловьев, Б. Д. Греков). Можно согласиться с Г. В. Вернадским в том, что проблема монгольского влияния на Русь многокомпонентна, а также с тем, что «влияние монгольской модели на Московию дало свой полный эффект только после освобождения последней от монголов. Это можно назвать эффектом отложенного действия» [Вернадский 2001: 341–342]. В связи с этим показателен факт основания в 1452 г. вассального от Москвы татарского княжества в Касимове, а также «передача власти»

Иваном Грозным Семеону Бекбулатовичу с последующим возвращением ее себе, что продемонстрировало стремление Москвы принять на себя роль наследника Золотой Орды.

Показателен и факт приема в 1555 г. Иваном IV сибирского хана Едигера Тайбугина и принятие его «Сибирской земли в холопство». В связи с этим население Сибири априори рассматривалось как наследственное владение (улус, вотчина) московского царя, а предпринятые по отношению к Кучуму меры диктовались всего лишь стремлением «вернуть захваченное узурпатором» владение. Взгляд на обитателей Сибири как на подданных Москвы «испокон веков», элемент царской вотчины сформировал государственный патернализм в форме «государевой» заботе о них. Таким образом, в государственном понимании «покорение» Сибири сводилось к ее «возвращению» в подданство московского государя, прежде всего к механическому, желательно поголовному, объясачиванию коренного населения.

Сибирское коренное население отчетливо понимало суть даннических отношений и содержание «института господства-подчинения». Данниками-кыштымами сибирских ханов были вогульские, остяцкие княжества: Пелымское, Кондинское, Кодское. Именно под влиянием сибирских ханов у манси и хантов население в административно-фискальном отношении делилось на сотни и десятки, при этом сотня являлась условной величиной без всякого соответствия реальному количеству входящих в нее людей [Бахрушин 1955а: 100–101]. Главным было само наличие тех, кто платил ясак в Кашлык.

В Пегой Орде нарымских селькупов существовали два вида платежей, поступавших маргкоку (великому князю): «калан» — налог, подать и «ерменты» — дань. Первый платили подданные маргкоков, а для плательщиков дани, как правило, завоеванных великими князьями, существовал особый термин «инбат» — данник. Инбатами правителей Пегой Орды являлись отдельные группы северных кетов (возможно, именно с этим связан этноним одной из северокетских общностей), некоторые группы туруханских эвенков, отдельные общности ненцев — келыты, а также часть васюганских хантов [Пелих 1981: 159].

Мелкие тюркоязычные группы Обь-Енисейского междуречья и Северного Алтая являлись кыштымами енисейских киргизов. В Прибайкалье буряты собирали дань с южных тунгусов, и русские застали здесь Гейскую, Ийскую, Верхнеокинскую волости и др., исправно платившие алман бурятам [Туголуков 1982: 130–131]. Сами тунгусы вимали дань с кетских групп правобережья Енисея и периодически проникали к тюркоязычным качинцам, иногда заходили в Нарымское Приобье. Данниками якутских тойонов были отдельные тунгусские и ламутские группы. Ненцы, проникая в земли обдорских хантов, также стремились собрать с них дань; те в свою очередь пытались обложить данью манси и селькупов.

Таким образом, за исключением народов крайнего Северо-Востока Сибири, особенно чукчей, «не способных, — как отмечает А. С. Зуев, — понять, а тем более принять новую для них систему социально-политических отношений, навязанную русскими и построенную на господстве-подчинении» [Зуев 2009: 349], большинство сибирских этносов с пониманием встретило ясные устремления Москвы.

Проблема русско-чукотского взаимодействия была связана, с одной стороны, с неразвитостью у чукчей потестарных структур и отсутствием опыта даннических отношений, а с другой — с достаточно далеко зашедшей их внутриэтнической консолидацией, что объективно усиливало межэтническую оппозицию «свой-чужой». Потому в этом регионе противостояние аборигенных народов и русских осуществлялось как на социально-политическом и экономическом, так и на этническом уровне, что и придало им остроту и бескомпромиссность.

Основная же масса сибирских аборигенов имела достаточно объективные представления о различных формах государственной зависимости. У тюркоязычных народов не только героический эпос, но и бытовые сказки содержат сюжет о необходимой и обязательной уплате албана (дани) своим «царям» всеми животными и птицами. Этот миропорядок, естественно, распространялся и на людей. Именно этой ментальной особенностью объясняется факт почти повсеместного изначального согласия

основной массы сибирских аборигенов на выплату русским ясака — политический и социальный статус, который предлагала им Москва, был понятен, привычен и не унижителен.

Перед русской администрацией стояла задача фискальной и политической переориентации уже зависимого, обложенного алманом населения. Успешному функционированию создаваемой русскими ясачной системы способствовала давно воспринятая московской властью центральноазиатская традиция государственного устройства через улус. Под этим термином и в Золотой Орде, и в русском государстве XVI–XVII вв. подразумевалась не столько территория как таковая, сколько «владение, народ, данный в феодальное держание» [Федоров-Давыдов 1973: 118], что как нельзя лучше подходило к Сибири с ее подвижным населением, где улус как форма социальной организации был известен задолго до прихода русских.

Таким образом, податная единица определялась не территориально, тем более что в Сибири XVII в. невозможно было ограничить передвижки населения, а наличием податных душ (ясачных), приписанных к определенному острогу или городу. Следовательно, волость, «землица», «улус», «род» — это не столько территориальные или даже этнические образования, сколько административно-фискальные единицы даннической системы Московского царства в Сибири.

Основное государственное стремление московской власти в XVII в. — усиленный «поиск» все новых тяглых людей, вообще, конечным результатом которого было стремление «привязать» к государству какой-либо повинностью или обязанностью как можно большее число подданных. Этот процесс развернулся по всему Московскому царству, где в XVI–XVII вв. интенсивно формировалась сословная структура. В Сибири это наглядно выразилось в стремительно целенаправленном объясачивании коренного населения и в привлечении, особенно на начальном этапе, части аборигенов на военную службу.

В условиях, когда русским не хватало собственного воинского контингента, широко использовался потенциал местных князцов, при сохранении за ними их прежних владений и замене ясака во-

енной службой. В наибольшей степени русские власти использовали потенциал сибирских татар. Уже в 1598 г. в походе против Кучума участвовал «татарский корпус»: «добросовестно сражался против своего прежнего сюзерена». Сражавшийся с Ермаком князь Епанча впоследствии стал одним из основателей города Туринска на своей земле. Другой противник Ермака — князь Мантмас — позднее вместе с русскими ставил города Тобольск, Тюмень и Тару [Бахрушин 1955б: 164–165]. Как отмечал Д. Я. Резун, в 1638 г. юртовские служилые татары составляли в Тобольске 34,5 %, в Тюмени — 22 %, в Таре — 12 % от всего служилого сословия [Резун 2002: 20].

Столь массовое включение татар в состав служилых людей не противоречило ни их собственным ментальным установкам, ни государственной практике Москвы. Симпатии первых в выборе сюзеренов базировались на центральноазиатской установке о том, что служить слабому правителю неприемлемо, поскольку он потерял благосклонность неба. И наоборот: быть на службе у сильного правителя, даже если он прежде был врагом, престижно. Поэтому стоило Ермаку победить Кучума, а русским — доказать свою силу, как они приобрели в лице местной «элиты» верных помощников. Кроме того, Москва с XV в. имела богатый опыт постоянного привлечения на военную службу ордынцев. В Сибири подобная практика получила свое развитие. Оказавшись в составе служилого сословия, сибирские татары, телеуты, чаты, буряты, эвенки сохранили свой воинский статус.

Сибирская политика московских властей полностью вписывалась в общегосударственную политику Московского царства XVII в., сохранявшую многие ордынские черты. Как и в центральноазиатских государствах, особенно в период их становления, важным было не столько завоевание новых земель, сколько умножение числа зависимого населения — данников (албату, кыштымов, ясачных), а также расширение военного сословия. Москва, сохранявшая память об улусе ордынского времени как об административно-фискальной единице даннической системы, способствовала его сохранению у части сибирских народов, которые уже были включены в нее в рамках местных государственных

ных и потестарных образований либо находясь в сфере влияния монгольских государств.

Более того, зная единственную форму взаимоотношений с покоренными народами (опять же влияние Орды) через дань, московская власть распространила эту систему на те народы Сибири, у которых не существовало каких-либо податных единиц, что приводило к их массовому сопротивлению (бунты коряков, юкагиров, ительменов, русско-чукотские войны первой половины XVIII в.).

Вместе с тем ордынское наследие выражалось не только в ментальных установках московских царей или в общем духе московской государственности, но и в наличии конкретных экономических интересов, потребностей, устремлений. Тезис о том, что государственные интересы Московского царства в Сибири напрямую были связаны с ясаком (пушной податью), не вызывает сомнений. Из этого проистекало два основных направления аборигенной политики государства не только в XVII в., но и позже.

Во-первых, постоянный строгий учет податного контингента и, соответственно, принятие таких мер, которые способствовали бы не только сохранению численности последнего, но и ее росту. Это явствует, например, из «Наказа» Бориса Годунова первым томским воеводам: «полнить волости» [Пугачев 1946: 139]. Во-вторых, защита ясачных людей не только от их прежних владельцев, но и от произвола и злоупотреблений местных воевод, служилых и промышленных людей. Эта «забота» объясняется разумно-прагматическим государственным интересом, то есть, прежде всего, той исключительной значимостью, которую сибирский ясак получил в наполнении государственной казны.

Внешние политические формы вхождения сибирского населения в состав Московского царства ограничивались не только «приведением под высокую руку государеву» и ясачным обложением, но и принесением ему клятвы верности (шертованием), закреплявшейся обычно взятием в русские города и остроги родственников местной правящей верхушки в качестве заложников-аманатов. По сути, Москва обозначила в Сибири — причем, не-

медленно и одновременно — три основных своих принципа социально-административной и аборигенной политики: шерть, ясак и аманатство. Причем от аборигенов требовалось, чтобы клятва на подданство московским правителям приносилась по обычаям, принятым у них. Но, во-первых, эти формы государственной зависимости были издревле известны по всей Центральной Азии и функционировали в дорусской Сибири. Во-вторых, в самой российской государственности они появились под влиянием Золотой Орды. Действительно, переписи населения, сбор дани руками баскаков, а чаще — местными князьями; сохранение монголами статуса правящих князей при условии принесения ими присяги на верность и получение взамен ярлыка — права на княжение; участие в военных походах монголов; долговременное обязательное пребывание князей или их родственников в Сарае, Каракоруме, а иногда и просто «в затворе у баскака», то есть то же аманатство, страх постоянных, порой беспричинных, набегов ордынцев и т.д. — все это общеизвестные явления российской истории XIII–XIV вв. В Сибири эти же формы взаимоотношений правителей и подданных как бы «ожили», но их проводниками явились уже русские власти.

Следует отметить, что особенно в начале русско-аборигенных контактов (за редким исключением) сибирские аборигены, тем более чьи-то кыштымы, как правило, в ясаке русским не отказывали, так как система данничества сохраняла здесь форму архаического дарообмена. С самого начала доставка ясака в русский город или острог обязательно сопровождалась раздачей подарков — кафтанов, шуб, тканей, всего, кроме оружия, а также совместными пирами служилых и ясачных людей. В «Наказе» царя Бориса Годунова томским воеводам не раз предписывается при встречах с князьями, «лучшими людьми» и простыми ясачными, а тем более при их шертовании и получении от них ясака «и самим бытии и служилым людям велети бытии в цветном платье». Одаривая обильно всех, «предавшихся под руку государеву», устраивая коллективные угощения [Пугачев 1946: 139], власть демонстрировала свое богатство. Красивая яркая одежда, пышное пиршество, обрядовая обстановка несли в себе глубокую

смысловую нагрузку, символизируя силу и мощь устроителей церемонии, а через них — и Московского царства вообще.

Вышесказанное явилось следствием евразийского начала как в этногенезе русского этноса, так и в политическом наследии Московского царства. Поэтому с административно-фискальной и политической точек зрения последнее ничего нового, неожиданного предложить сибирским аборигенам не могло. Большая их часть вполне комфортно жила в подобных государственно-податных системах. Именно привычностью предлагаемого социального статуса и форм зависимости объясняется та относительная легкость, с которой происходило присоединение Сибири.

Москва принесла в Сибирь единственно известную ей форму государственных отношений в виде даннической системы, но последняя была известна многим сибирским народам задолго до прихода сюда русской власти. Это было общее евразийское политическое наследие, которое Москва, трансформировав, переняла у Золотой Орды и с которым сибирские народы (или их субстраты) познакомились задолго до этого, находясь в составе центральноазиатских государств эпохи древности и Средневековья.

При взаимодействии московской социально-политической системы с местными государственными или потестарными структурами в XVII в. происходил их синтез, который облегчался общим евразийским наследием «взаимодействующих сторон». Поэтому Сибирь XVII в. воспринималась властью как составная часть Московского царства, как часть «царской вотчины, улуса», а ее коренное население — как неременный элемент русского общества.

Библиография

Бахрушин С. В. Остяцкие и вогульские княжества в XVI–XVII вв. // Бахрушин С. В. Научные труды. М., 1955а. Т. 3. Ч. 2.

Бахрушин С. В. Сибирские служилые татары в XVII в. // Бахрушин С. В. Научные труды. М., 1955б. Т. 3. Ч. 2.

Вернадский В. Г. Русская история. М., 1977.

Вернадский В. Г. Монголы и Русь. М., 2001.

Гумилев Л. Н. От Руси к России: очерки этнической истории. СПб., 1992.

Зуев А. С. Присоединение Чукотки к России (вторая половина XVII — XVIII в.). Новосибирск, 2009.

Ключевский В. О. Русская история. Полный курс лекций. Ростов н/Д, 1998. Кн. 1.

Пелих Г. И. Селькупы XVII в. Очерки социально-экономической истории. Новосибирск, 1981.

Пугачев А. Древнейший документ о нашем городе // Томск. 1946. Март–июнь. С. 139–141.

Резун Д. Я. На сибирском фронтире в XVII в. // Фронтир в истории Сибири и Северной Америки в XVII–XX вв.: общее и особенное. Новосибирск, 2002. Вып. 2. С. 3–27.

Русские / отв. ред. В. А. Александров, И. В. Власова, Н. С. Полищук. М., 1997.

Туголуков В. А. Эвенки // Этническая история народов Севера / отв. ред. И. С. Гуревич. М., 1982.

Федоров-Давыдов Г. А. Общественный строй Золотой Орды. М., 1973.

Шерстова Л. И. Тюрки и русские в Южной Сибири: этнополитические процессы и этнокультурная динамика XVII — начала XX в. Новосибирск, 2005.

Abstract

This article raises the problem of defining the essential character of Russian-aboriginal relations, considering the interactions between aboriginal societies and Russian authorities. The author makes a conclusion: the reason of successful Russian advance through Siberia lies in identity of both Russian and aboriginal social and political institutions, which were originally created under the influence of Central Asian (Horde) political traditions. That provided the rapid synthesis of social and political institutions of local and newly arrived populations.